

УДК 821.161.2 Татьяна Владимировна

(Россия, Москва)

КОНЦЕПТ «СУДЬБА»: ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Статья посвящена разгляду етимології слова-концепту «доля» з метою виявлення прототипних основ становлення слов'яно-російської мовної свідомості. Звернення до однієї з найважливіших доміант концептуальної картини світу та буття дозволяє відновити історію слова, а отже, і втрачені ланки нашої «культурної пам'яті».

Ключові слова: концепт «доля», етимологічний аналіз, розвиток семантики, російська мовна свідомість/ самосвідомість.

This article is devoted to the etymology of the word-concept "destiny" to identify prototypical bases in the formation of Slavic-Russian linguistic consciousness. It appeals to one of the most important landmarks of the conceptual picture of the world and allows you to restore life "history of the word" and, consequently, lost links in our "cultural memory".

Key words: concept, etymological analysis, development of semantics, Russian linguistic consciousness / self-consciousness.

Как известно, человек – это мир человека. Поэтому изучение национальной языковой личности неизбежно приобретает историко-культурное измерение. Особый исследовательский интерес вызывают экзистенциальные концепты, раскрывающие специфику этнопсихолингвистической концептуализации мира и бытия. Настоящая статья посвящена рассмотрению «этимологической памяти слова» (Ю.Д. Апресян) на материале концепта «судьба» и связанных с ним смысложизненных представлений о мире, человеке и его бытии.

Согласно этимологическим данным, русское слово судьба сформировалось на основе общеславянского *sǫdъba, производного с суффиксом -ъb-а от *sǫdъ 'суд'. В древнерусском языке оно употреблялось в следующих значениях: 'суд', 'судилище', 'правосудие', 'приговор' и 'предопределение' [20, с. 216–217]. В.И. Даль фактически подтвердил данную последовательность в «Толковом словаре живого великорусского словаря»: «суд, судилище, судбище и расправа. Пусть нас судьба разберет, пойдем в волость! Что судьба скажет, хоть правосуд, хоть кривосуд, а так и быть. Они на судьбу пошли. || Участь, жребий, доля, рок, часть, счастье, предопределение, неминуемое в быту земном, пути провидения; что суждено, чему суждено сбыться или быть» [10, с.356]. Таким образом, в русском языковом сознании исконная связь судьбы с судом сохранялась в течение многих веков.

Однако в дальнейшем концептуальное ядро развивавшегося концепта «судьба» составит сема 'предопределение' как осознанная человеком зависимость от высших сил. Так, словари современного русского литературного языка приводят как правило следующие значения лексемы судьба: 'независящий от человека ход событий', 'участь', 'доля' и характерная для суеверных представлений 'сила, которая предопределяет всё происходящее в жизни' (см., например, [15, с. 1163]). По всей вероятности, аналогичным образом языковая ситуация развивалась в болгарском – съдба, сербо-хорватском – судба, в словацком – sudba, словенском – usoda и чешском – osud языках, где отчетливо просматривается связь с общеславянским *sǫdъ 'суд'. А в некоторых

родственных языках возникли новые лексемы, не соотносимые с общеславянским первоисточником: лёс, доля – в белорусском, los, przeznaczenie – в польском и доля, приречення – в украинском языках. При этом наименование государственного органа воспроизводит общеславянский корень: суд (белорусский, украинский) и sąd (польский).

В свою очередь, общеславянское *sǫdъ 'суд' возникло путем сложения индоевропейских основ: приставки *som- (общеславянское: *so- 'с, вместе с; от, в продолжение') и корня *dhē- (:*dh-o : *dh-i-) 'ставить', 'устанавливать', 'класть' [20, с. 216]. Э. Бенвенист, рассматривая индоевропейский корень *dhē- как 'устанавливать в бытии [о богах]', отметил его связь с греческим понятием *dikē* 'обычай', 'удел смертных', 'право', 'справедливость', 'правосудие', 'судопроизводство', 'тяжба', 'суд', 'решение суда', 'наказание', 'штраф' [5, с. 330]. А в качестве иллюстрации присущего ему значения 'формула, управляющая судьбой' привел следующий фрагмент из «Одиссеи» Гомера: «Когда Одиссей, спустившись в преисподнюю, встречается с матерью и спрашивает, почему он не может ее обнять, – такова *δίχη* смертных, – отвечает она» [4, с. 299, 305].

Позднее понимание важности принятого уклада бытия и осознание участи смертных привело к появлению Дике (*Δίκη*), «неумолимого» божества справедливости и правопорядка. Аналогичным образом возникли Ананке (*Ἀνάγκη*), божество необходимости и неизбежности, мать вершительниц судьбы Мойр (*Μοῖραι*), и близкая к ним Айса (*Ἄῖσα*), божество судьбы. Раскрывая этимологию наименований судьбы (*moira* – буквально 'часть', 'доля', 'участь', 'удел', получаемые новорожденным; *aisa* – 'равная часть', т. е. 'определенная часть', 'соответствующая данному человеку или событию', может быть, 'мера'), А.Ф. Лосев писал, что у Гомера «разница между тем и другим наименованием судьбы довольно текучая» и что «даже самые основные термины судьбы совсем не обладают такой ясностью и вовсе не различаются так резко, как этого нам хотелось бы». О значимости этих богинь, персонифицировавших зависимость человека от судьбы, говорят разнообразные и многократно использованные Гомером выражения: *moira esti*, *aisa esti*, которые обозначают «суждено», «определено», «послано судьбой», «предсказано богами», «дано» и т. д. [13, с. 338–339]. Что же касается правовой терминологии, то в ней использовались другие лексемы: *χρῖσις* 'суд', 'разбор', 'судебное разбирательство', 'решение', 'приговор', 'осуждение', 'решительный исход', 'спор', 'состязание', 'толкование' и *χρῖμη* 'суд', 'приговор', 'решение' [5, с. 731–732]. Примечательно, что именно эти лексемы широко используются в греческом тексте Нового Завета. Так в античной Греции параллельно с рациональными установками бытия и интуитивно-чувственным мировосприятием возникали мифологизированные представления, а затем и персонифицированные образы божеств.

Иначе протекало становление слова-концепта «судьба» в Древней Руси. Унаследовав от индоевропейской основы заложенный в ней сакральный, рефлексивный и бытийный опыт осмысления и переживания мира, общеславянская лексема *sǫdъ 'суд' стала производящей основой для формирующихся представлений о судьбе. Согласно «Материалам для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского, лексема судьба была известна в XI веке как имеющая значения 'суд', 'приговор', 'решение', 'предопределение', 'правосудие', 'судилище' [17, с. 608]. Следовательно, общеславянская лексема судьба в XI веке еще не обособилась от прототипического понятия «суд», которое не только было укоренено во «внутреннем языковом сознании», но стало частью «принципа, объемлющего язык изнутри, придающего всему изначальный импульс» [9, с. 227].

Для восстановления «истории слова» обратимся к приведенным И.И. Срезневским примерам из Изборника 1073 года, который воспринимался как энциклопедия христианской жизни и поэтому широко использовался в качестве учебника и душеспасительного материала для чтения. Так, значение 'предопределение' раскрывается с помощью следующих цитат из Изборника: Божии судьбы неведомы суть и Судьбы Господни глубины великой, восходящих к библейскому тексту: Как непостижимы судьбы Его (Рим. 11.33) и судьбы Твои – бездна великая (Пс. 35.7).

В этой связи обращает на себя внимание следующий факт. Концепт «судьба», хорошо известный носителям древнерусского языка XI века, не встречается в «Слове о полку Игореве», датированном концом XII века, хотя тема судьбы в нем является одной из центральных. Вместе с тем в «Слове...» с достаточной полнотой раскрывается семантический потенциал лексемы суд. Приведем соответствующие отрывки, сопровождая их переводом на современный русский язык [17].

Всеславъ князь людемъ судяше,
княземъ грады рядяше... Всеслав-князь людям суд творил,
князьям города дарил...

О Галицкий Осмомысл Ярослав!

Высоко седиши на своемъ
златокованнемъ столе <...>
суды рядя до Дуная.

О Галицкий Осмомысл Ярослав!

Высоко сидишь ты на своем
златокованом престоле <...>
суды творя до Дуная.

Бориса же Вячеславличя слава

на судъ приведе и на Канину
зелену паполому <ему> постла
за обиду Ольгову, храбра и млада князя.

А Бориса Вячеславича слава на суд

привела и на Канине зеленый плащ
постлала за обиду Олега –

храброго и молодого князя.

Тому вещи Боянь и първое

припевку, смыслени, рече:

«Ни хытру, ни горазду,

ни пытьцю горазду

суда Божія не минути!»

Ему вещей Боян и давнюю

припевку-поговорку изрек мудрый:

«Ни хитрому, ни разумному,

ни колдуну искусному

суда божьего не миновать!»

Если слово суд в первых двух контекстах не нуждается в комментарии, то следующие отрывки требуют пояснений. Так, комментируя третий фрагмент, Н.А. Мещерский и А.А. Бурыйкин пишут, что в нем речь идет о внуке Ярослава Мудрого, который в поисках славы выступил в союзе с Олегом и принял смерть на поле боя в 24 года. Эту же точку зрения мы находим у А.Н. Афанасьева: «Бориса же Вячеславличя слава на судъ (на смерть) приведе» [2, с. 511] и в «Материалах» И.И. Срезневского, где данная фраза приводится в качестве иллюстрации к слову суд в значении 'кончина', 'смерть' [17, с. 607]. Что же касается последнего фрагмента, то А.Н. Афанасьев предлагает следующее толкование: «Ни хытру, ни горазду, птицю горазду суда Божія (судьбы или смерти) не минути» [2, с. 511]. По мнению авторов комментария, словосочетание «судъ Божіи» может иметь два толкования: 'час кончины' и 'судьба'. Сама же «припевка» Бояна рассматривается ими как широко распространенный афоризм пословичного типа, параллели которому обнаруживаются в средневековых литературах различных народов: «Но никто не избежит того, что ему назначено».

Таким образом, для современников похода Игоря Святославича на половцев слово-концепт «суд» вбирал в себя всю возможную смысловую полноту. Вместе с тем близость отмеченных выше толкований семантике лексемы судьба позволяет предположить, что автор «Слова» предпочел недостаточно семантически оформленному слову более древнее суд как заключающее в себе существенно больший смысловой потенциал. Высказанные соображения могут рассматриваться в качестве иллюстрации постепенного развития лексемы судьба: 'правосудие' > 'приговор' > божий суд' ('приговор небесных сил') > 'предопределение' > 'рок' [20, с. 217].

Следуя логике становления слова-концепта «судьба», остановимся на общеславянском понятии «божий суд», под которым понимались испытания кровью, огнем, водой и железом. К божьему суду обычно прибегали в ситуациях, когда все обычные средства дознания были исчерпаны. «Вместо суда человеческого вопрос (о виновности) решает суд Божий, выражающийся в

наличности или отсутствии несомненных признаков виновности, состоящих в следах ожогов, в победе противника во время “поля” и т. д.», – писал А.Ф. Кони, характеризуя принятую практику выяснения истины и определения виновного [14].

Древнейшим способом решения тяжбы между истцом и ответчиком являлся судебный поединок, который был особенно распространен на Руси в XI–XII веках. Виновным в бою с палицами или дубинами объявлялся побежденный на «поле». При этом у обеих сторон было право пойти на мировую до или во время поединка. Имущественные споры разрешались с помощью испытания водой: истец и ответчик после принесения присяги должны были перейти реку. Первым шел истец, а в трех шагах от него – ответчик. Тот, кто начинал тонуть, признавался виновным. Если же оба благополучно достигали противоположного берега, то ответчик освобождался от иска. К испытанию водой прибегали и для выявления ведьм: подозреваемую бросали в пруд или в реку; если она плавала поверх воды, то ее объявляли злой колдуньей, а если тонула, то признавалась невинной.

Но высшей мерой божьего суда, практиковавшейся при особо тяжких обвинениях, считалось испытание железом: подсудимого обязывали при произнесении присяги в своей невинности держать два пальца на раскаленном железе, если же он отнимал руку, его казнили. Иногда от обвиняемого требовалось произносить клятву на раскаленной части плуга. Того, кто не выдерживал «божьего суда», ждала смерть. В деревнях, чтобы установить истину, всем, на кого падало подозрение, раздавали одинаковые по длине лучины: у кого она сгорит быстрее, тот и объявлялся виновным. Приведенные данные свидетельствуют о присутствии в лексеме судьба семы ‘жизненный путь’. В этой связи отметим, что на Урале судьба ассоциируется с дорогой и, наоборот, жизнь с судьбой. В архангельском крае также слова житьё, жисть включают в себя семы ‘стечение обстоятельств, не зависящее от человека’, ‘судьба’. В этом отношении примечательны старославянское рокъ ‘установленное время’, древнерусское години ‘судьбы’ и чешское *godina* ‘удача’, ‘счастье’ [14, с. 206].

Знаком выпавшей человеку судьбы служило также метание жребия (‘часть’, ‘доля’, ‘участь’, ‘удел’), изначально предполагавшее присутствие при этом высших сил. Поэтому к нему традиционно прибегали первобытные охотники при дележе добычи. Жеребьевка практиковалась и при разделе земли еще в XIX веке: Наконец идут к шапке, к жеребью, а вынут жеребьи <...> смотря по доле, которая стала, отправляются на поля (В.И. Даль. «Картины из русского быта»). Место для ловли рыбы также выделялось по жребию: Скоро оба молодые казака <...> выходили на озера, реки и протоки, отведенные по жребию каждому куреню, закидывать невода, сети и тащить богатые тони на продовольствие всего куреня (Н.В. Гоголь. «Тарас Бульба»).

Кровавые языческие жертвоприношения тоже, как правило, сопровождались жеребьевкой. Подтверждение этому есть в Лаврентьевской летописи под 983 годом, где говорится о мученической смерти первых исповедников христианской веры: И реша старци и бояре: мечемъ жребий на отрока и девицу; на него же падет, того зарежем богом (цит. по: [12, с.186–187]). Таким образом, использование жребия как знака судьбы распространялось как на определение предназначенной человеку доли (части), так и при выборе жертвы для языческих ритуалов. Это позволяет говорить о присутствии в семантике слова судьба семы ‘благополучие’ как своей доли, удела, части / участи.

После Крещения Руси и принятия православных ценностных императивов бытия в русское языковое сознание вошло понимание судьбы как ‘участи, предназначенной человеку от Бога’ [12, с. 688]. Тогда же появилось новое испытание: истец и ответчик ставились перед крестом с

поднятыми вверх руками. Виновным считался тот, кто первый опустит руки или упадет. Применялось также испытание освященным куском хлеба: обвиняемым признавался тот, у кого этот кусок застревал в горле. Для испытания тех, кто «отдавался на божью правду», у входа в церковь разводили костер. Подозреваемый должен был выхватить из огня раскаленный кусок железа и отнести его на алтарь. В православной церковной практике продолжал использоваться и жребий. Но если для язычников он был голосом судьбы, то для христиан – выражением воли Всевышнего. В этом отношении показателен фрагмент из «Деяний Апостолов», в котором понятия «жребий» и «часть» ('доля', 'участь') приобретают христианское звучание и взаимно дополняют друг друга. Здесь мы имеем в виду рассказ о Симоне, который принес деньги, чтобы Апостолы возложили на него руки и он получил Духа Святого: Петр сказал ему: серебро твое да будет в погибель с тобою, потому что ты помыслил дар Божий получить за деньги. Нет тебе в сем части и жребия, ибо сердце твое неправо перед Богом (Деян. 8, 19-21).

Укоренение новых идеалов и смысложизненных представлений побуждало к поиску такой формы существования, которая была бы созвучна промыслу Всевышнего. «Христианство, – писал С.С. Аверинцев, – как бы ловило языческий мир на слове, настаивая, чтобы слово стало делом» [1, с. 27]. Так постепенно возникла идея соработничества (гр. *synergeia* 'совместное действие') Богу и понимание судьбы как заслуженного вознаграждения за дела и поступки. При этом, согласно народному богословию, роптание на выпавшую судьбу считалось грехом: каждый должен нести свой крест, принимая посланные Богом испытания. Таким образом, в представлениях средневекового человека судьба ассоциировалась с частью Мирового Блага, которое распределяется Богом, поэтому «каждый человек в своей судьбе оказывается причастен к этому Мировому Благу» [6, с. 261].

Отношение к судьбе и собственной жизни, протекающей в соприсутствии с Богом, привело к появлению в русском православном дискурсе новых смысложизненных представлений. Здесь мы имеем в виду средневековую картину Страшного суда, когда оправданные встают по правую руку от Всевышнего, а осужденные – по левую, «книги бо совестные разгибаются и дела сокровенные открываются» (Тропарь на 1-й неделе Великого поста) [19]. Известна и практика «совестных судов», куда передавались дела, требовавшие более мягкого рассмотрения, (ВЫБРОСИТЬ: [21, с. 70–71] ЭТО В СЛОВАРЕ ССРЛЯ статья «Совестный суд»), и заключения в крестьянской среде различного рода сделок «на совесть», т. е. на словах, без письменных документов [8, с. 96].

В этой связи следует отметить, что концепт «совесть», восходящий к общеславянскому **svěšťь* '(по)знание, получаемое вместе с кем-либо' [20, с. 184], в силу возникших с принятием Православия «созначений» было переосмыслено и стало восприниматься как церковнославянское со значением 'внутренний закон, данный человеку Богом'. По мнению Е. Стефаньского, соответствующий концепт в польском и чешском языках «предстает как более рациональное чувство, которым можно управлять», поскольку представление о связи человека с Богом в них не актуализировано. При этом чешское *svědomí* трактуется как «информация о нравственности, усвоенная сознанием», а польское «*sumienie*» – как «свидетель» мыслей и поступков, который «вершит суд» [18, с. 131].

Неудивительно, что особое место в русской концептуальной картине мира и бытия традиционно занимает понятие «суд совести», ставшее одной из доминантных тем отечественной словесности. В подтверждение сошлемся на выступление Даниила Гранина на VII Международных Лихачевских чтениях. Говоря о зависимости судьбы от «требований совести, ее суда, ее приговора», писатель подчеркнул, что совесть «есть божественное начало, которое дано человеку. Она не ошибается. У

нее нет проблемы выбора. Она не взвешивает, не рассчитывает, не заботится о выгоде. Может, только согласие с совестью дает удовлетворение в итоге этой жизни» [7].

Сформулированная позиция возвращает нас к известной триаде М.М. Бахтина <адресант – наадресат – адресат>, в которой находит отражение целостность «диалогической ткани жизни»: «В разные эпохи и при разном миропонимании этот наадресат и его идеально верное ответное понимание принимают разные конкретные идеологические выражения (бог, абсолютная истина, суд беспристрастной человеческой совести, народ, суд истории, наука и т. п.). Автор никогда не может отдать всего себя и свое речевое произведение на полную и окончательную волю наличным или близким адресатам (ведь и ближайшие потомки могут ошибаться) и всегда предполагает (с большей или меньшей осознанностью) какую-то высшую инстанцию», – писал М.М. Бахтин, раскрывая свое понимание высшего наадресата [3, с. 337–338].

Подведем итоги. Предпринятый анализ этимологических данных концепта «судьба» позволяет говорить о смысловом развитии заложенного в нем мотивирующего потенциала. В результате исходная семантика разворачивалась, подобно «почке сложнейших соцветий» (С.А. Аскольдов), приобретая всё новые «приращения смысла». Но, вплетаясь в языковую картину мира, слово-концепт сохраняло исконную связь с семьей 'суд'. В результате общеславянское понимание судьбы вошло во «внутреннее языковое сознание», сохраняя связь с представлением о суде, который может именоваться Божьим, Страшным или человеческим, но всегда побуждает к оценке своей жизни-судьбы с позиции Высшего Судии или суда собственной совести.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. – М.: «Coda», 1997.
2. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. – М.: Изд-во Эксмо, 2006.
3. Бахтин М.М. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. // Собрание сочинений в 7 томах. Т. 5. – М.: Русские словари, 1997.
4. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1995.
5. Вейсман А.Г. Греческо-русский словарь. – М.: ГЛК, 1991.
6. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002.
7. Гранин Д. Совесть // Он же. Причуды моей памяти. – М. – СПб.: ЗАО. Центрполиграф, 2009 (http://www.e-reading.ws/bookreader.php/1006552/Granin-Prichudy_moej_pamyaty.html)
8. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991.
9. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1-4. М.: Русский язык, 1980. – Т. 4.
11. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. – М.: Издат. отдел Москов. Патриархата, 1993.

12. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. – М.: Юридическая литература, 1958. (http://webreading.ru/nonf_publicism/a-koni-nravstvennie-nachala-v-ugolovnom-processe.html)
13. Лосев А.Ф. Гомер. – М.: Учпедгиз, 1960.
14. Седакова И.А. Судьба // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под ред. Н.И. Толстого. Т. 5. – М.: Международные отношения, 2012. С. 203–208.
15. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. Т. 14. – М.– Л.: Наука, 1965.
16. Слово о полку Игореве / Реконструкция древнерусского текста Н.А. Мещерского и А.А.Бурькина; Комментарий Н.А.Мещерского и А.А.Бурькина. – Л.: Сов. писатель, 1985.
17. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. – СПб.: Императ. Академия наук, 1893–1912.
18. Стефаньский Е. Концепт «совесть» в русской, польской и чешской литературах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. № 11 (72). – С. 124-132.
19. Ужанков А.Н. «Совестные книги» Древней Руси (Русское летописание и Страшный суд) // Россия XXI. 1999. № 4. – С. 138-177..
20. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. Т 2. – М.: Русский язык. 1993.